

Подразумевание — один из наиболее многослойных и многовекторных концептов, особенно в интерпретации постгуссерлевой феноменологии, где оно обростаёт концептуальным смыслом как в центробежном, так и в центростремительном измерении. В центробежном модуле вовне и вокруг этого понятия образовалось множество расходящихся концептуально-тематических векторов, в то время как внутри самого концепта – в центростремительном модуле — сформировались многоярусные страты, связанные с конкурирующими подходами, породившими широко обсуждаемые, но пока не нашедшие общепризнанного решения проблемы. Многих из них я касалась в предшествующих работах, настоящая же статья имеет свои конкретные цели. Во-первых, здесь производится попытка дать общее представление о подразумевании через систематизацию наиболее известных проблем (от языковых и внеязыковых смыслов к смыслам подразумеваемым, от пустого подразумевания – к различным формам и способам его наполнения и т.д., вопроса о том, насколько упорядоченной и структурированной является сфера подразумевания? Иными словами, возможно ли упорядочить сферу подразумевания? Во-вторых, здесь будет предложена новая версия интерпретации дискурсивного механизма процесса подразумевания в языковых высказываниях.

В концептуальном плане данная статья основана на тезисе, согласно которому *отличительной особенностью подразумеваемых смыслов является их семантическая неявленность, обусловленная преимущественной опорой на ноэтическую, а не ноэматическую составляющую смыслообразовательного процесса. Дело в том, что, согласно предлагаемому подходу, подразумеваемые смыслы порождаются разного рода ноэтическими (не ноэматическим/семантическими) процессами: сдвигами фокусов внимания, сменой тональностей и/или модальностей, опущением ноэс и/или ноэм, а также различными перестановками и рекомбинациями ноэматического состава.*

Такое понимание по существу, конечно, не ново: так, уже представители раннего аналитизма (Витгенштейн, Фреге) отметили возможность наличия в смысле высказывания семантически неэксплицируемых (немаркируемых во внешней языковой форме) элементов — напр., утвердительной модальности (являющейся одним из базовых компонентов смысла!)¹. Но это было не абстрагированное общезыковое обобщение, а констатация особого случая в «поведении» языка. Тем не менее аналитика указала на главное — на необязательность семантического облачения понимаемого нами смысла, хотя и продолжала при этом акцентировать внимание главным образом на пропозиции и формах ее внешнего (эксплицитного) выражения в языке, двигаясь тем самым в направлении редуцирования подразумеваемых пластов смысла в целях его «очищения» от разного рода наслоений и «наростов»: надежды возлагались на «освобождение» от коммуникативности, экспрессивности, экзистенциальности и прочих «излишеств».

¹ Боброва Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии. <https://fil.wikireading.ru/13311>

Однако после когнитивного и нарратологического поворотов зона «подразумеваемого» стала в аналитике (во многом под влиянием Фреге, Витгенштейна, Рикера, Левинаса и др.) одним из главных предметов рассмотрения. Отстранив от власти (над умами) пропозицию, ее место заняла пресуппозиция, выступающая в самых разных облачениях и интерпретациях: речь идет, например, о проявлениях пресуппозиции на уровне глубинной и поверхностной структуре языка, в семантической, логической, прагматической и других сферах языкового сознания, а также в феномене ассерции (в соотношении с негацией) и т.д.

Что же касается ранней постгуссерлевой феноменологии, то она, напротив, освобождалась от аналитического и, в частности, логического оформления смыслов. Таковы, в частности, масштабные концепции русских мыслителей: бахтинская полифония, ивановский антиномизм, круглое мышление и обратная перспектива Флоренского, внутренняя форма Шпета и др. В феноменологически ориентированных направлениях лингвистики проблема подразумеваемых смыслов исследуется, как правило, не в аналитической, а в — условно — «экзистенциальной» терминологии, нацеленной на уловление смыслов, которые формируются на основе представления о порождающей подразумевание человеческой телесности, сопряженной с теми или иными психофизиологическими пространствами. Кроме того, к концепту подразумевания имеют некоторое (прямое или косвенное) отношение такие явления, как внутренняя форма языка, внутренняя речь, интенциональные и неинтенциональные акты, осознаваемые и неосознаваемые интенциональные объекты, феномены двуголосия, многослойности, пустоты и прочие манифестации смысла.

Особое место занимает в этом контексте процесс «опущения» в пласт подразумеваемого смысла, таких разнообразных типов смыслов, которые способны к семантизации, начиная с модальности высказывания (в частности, утвердительной) и кончая самым интенциональным объектом речи.

В целом можно констатировать, что фокус внимания и в аналитике, и в феноменологии сдвинулся с ранее акцентированных уровней, в одном случае, с уровня «чистого смысла», в другом противоположном «лагере» — с исключительно внешних лингвистических форм на общий «промежуточный уровень» между неэксципируемым (в пределе — внеязыковым) смыслом и эксципируемым смыслом на уровне внешне данной языковой формы высказывания, т. е., в широком смысле, на общую территорию «подразумеваемого». На сегодняшний день фактически общепризнанно, что при обсуждении отношений между языковыми (семантизуемыми) и неязыковыми формами смысла речь должна вестись о разного рода непрямым и лишь формально коррелятивных переплетениях, напластованиях, сменах, опущениях, наращиваниях и т. д. (актов сознания, интенций, аттенций, ноэм, ноэс, модальностей, точек говорения и пр.). Если не эксциптно теоретически, то фактически смыслы сознания и языковые значения, а соответственно — неязыковые и языковые акты сознания, стали мыслиться не как взаимодействующие, а как находящиеся в отношениях неизоморфной корреляции. Все это никак не означает ни того, что найден консенсус в вопросе о природе эксциптно не явленных форм смысла высказывания, ни того, что исследование внеязыковых типов смысла признается возможным вне языка: в большинстве случаев строятся курсирующие между сознанием и языком

теории, не всегда рефлексующие над основаниями своего «челночного» между ними перемещения.

Сходным образом повлияла на ситуацию и происходящая в философии корректировка интенциональной теории, идущая в двух направлениях. С одной стороны, интенция и ее объект стали рассматриваться с точки зрения возможности их расщепления (см. статью о Лосеве), с другой стороны ведутся поиски в пользу версий неинтенционального сознания, которые депотенциализировали бы предметную теорию значения и смысла, а вместе с ними и сугубо языковые теории смысла речи.

Идея неинтенциональности в ее применении к языку, хотя и вряд ли верна, но весьма суггестивна: она может быть трансформирована в идею неинтенционального типа смысла: как языкового, так и неязыкового, а, возможно, и соответствующего – неинтенционального – предмета речи (неосознаваемого/неуразумываемого). Но это не подразумеваемый смысл: не имея хотя бы направления интенции, как и ее самую, смысл не поддается пониманию, а в лучшем случае только некоему пустому схватыванию.

Проблема соотношения «неинтенциональности» с языком, возможность или невозможность неинтенциональной «передачи смысла» – тем более трудна, что далеко не ясны соотношения языка и с самой «интенциональностью». Последняя, в частности, не может быть сведена в языке — как это часто встречается — только к коммуникативному намерению: хотя бы потому, что интенция генетически связана и с проблемами референции, а значит (если принимать трактовку коммуникативного намерения как интенции), интенция в языке – применю влиятельный термин – всегда как минимум расщеплена (второе направление развития).

Существенно, что расщепление имеет как минимум два смысла. Не только сразу подхваченный (в частности, формализмом) смысл наличия двух предметов интенции, имеющих одну природу (что возможно, но не непременно), но и в смысле неотчуждаемого наличия в каждом высказывании у одной интенции двух предметов принципиально разной природы. Этот вариант отчетливей всего проявлен Бахтиным: его двуголосое слово тоже расщеплено — направленность на референт и коммуникативная направленность на другое сознание.

Последнее (по бахтинскому типу) «расщепление интенции» по сути близко к ее распадению на два принципиально разных типа интенции, причем основания для квалификации коммуникативного намерения как интенции в таком случае становятся уже и вовсе неубедительными.

Проблема «неинтенциональности» как таковой не решаема в том простом ключе, что она, мол, очевидно связана, в отличие от интенциональности, с «подразумеваемым» смыслом; да, они связаны, но ведь с последним типом смысла изначально связана и интенциональность. В феноменологии подразумевание всегда рассматривалось в тесной связке с интенциональностью (поскольку теория говорит о подразумевании предмета интенции).

И более того, можно говорить, что предмет интенции, если он есть, всегда – если не полностью, то хотя бы частично – уходит в подразумеваемые пласты (даже в случае его непосредственной данности «вживе» предмет высвечивается всегда в урезанном, профильно-ракурсном, а значит, одностороннем виде).

Но в таком случае спрашивается, резонно ли расширять понятие «подразумеваемого» за пределы сферы наличия интенционального объекта в предметном понимании, распространяя его на область смысла как такового? Конечно, можно найти для этого феномена другие названия, но они либо слишком терминологизированы и узки, либо излишне расплывчаты, напр., пресуппозиция и не прямой смысл. Я оставляю в рабочем порядке термин «подразумеваемое» – с тем в том числе прицелом, чтобы показать, насколько неясно различие между «предметом» и «смыслом», несмотря на широкое использование этого различия в литературе практически в качестве строгой оппозиции.

Феноменология, как известно, высветила среди прочего обладающую значимыми для лингвистики потенциями проблему пустого подразумевания (или сигнитивных актов) и, соответственно, процесса его наполнения/исполнения или – ненаполнения (Гуссерль, Хайдеггер, Шпет). Ядром этой темы оказывается вопрос о возможности/невозможности «полного наполнения» пустого подразумевания и о предельно достижимой степени его наполненности. Феноменология вела при этом речь именно о предметной наполненности (наполнение оценивалось как полное, когда предмет мыслился данным созерцанию сознания «вживе»). Язык и семантизированность предмета интенции здесь не столько помощники, сколько «осложнители». Да, язык дает смысл, но он же его и лишает.

Наполненность высказывания языковым смыслом можно расценивать как предметного вживе наполнения не только не гарантирующая, но даже наоборот – как доминирующая форма проявления феномена пустого подразумевания. По Хайдеггеру, наша естественная речь в значительной мере протекает именно в модусе пустого подразумевания³. Это с одной стороны повышает статус языка (сугубо языковое мышление без предмета), с другой — такое предположение существенно снижает статус предметного мира, референта вообще, а тем самым лишает существенного смысла языковую коммуникацию как таковую, оставляя за ней одну только беспредметную эмоциональность.

Зафиксирую проблему: если не считать смысл предметом, то высказывания обычной речи, заполненные языковым смыслом (и/или любыми иными типами смысла), преимущественно являются, с точки зрения предметной наполненности, пустыми. Отношения между языковым смыслом и предметом здесь либо разведены по разным барьерам до предела, либо, напротив, они вступают в острую конкуренцию за место под солнцем: предмет и смысл начинают заполнять одно и то же пространство, совместно или по очереди поддерживая интеллигибельность речи.

На начальных этапах феноменологии первостепенная важность приписывалась тому, что в речи подразумевается в качестве интенционального объекта именно предмет, соответственно – преобладали предметные теории значения (см. по Тугенхадту²); для феноменологии же говорения и лингвистики в себе важнее, по всей видимости, должно быть то, что подразумеваться может не только предмет, но и смысл, во всех его многообразных формах.

² Тугенхат Э. Введение в аналитическую философию языка. Девятая лекция. <Предметная теория значения на примере Гуссерля>. Логос № 10. 1999. http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/05.htm

Более того, феноменология говорения необходимо должна иметь в виду, что предмет вообще может и подразумеваться, и не подразумеваться (идея непредметного подразумевания – resp. непредметная теория смысла). Философы и феноменологии языка первыми обратили свои взоры в эту сторону (в России, по сути, таковы все представители серебряного века). Аналитическая же лингвистика не сразу подхватила тему пустого подразумевания, занявшись непредметной теорией значения с некоторым опозданием, хотя, разумеется, аналитика и без феноменологии знала эту проблематику изначально (в частности, по Г. Ингардену: «Год спустя вышел второй том Логических исследований. В нем было шесть различных исследований, связанных между собой очень условно. Все читатели ожидали: сейчас выйдет логика, философская (не математическая) логика Гуссерля. Ибо первый том имел подзаголовок «Прологомены к чистой логике»³. Они, однако, были удивлены: во втором томе они нашли не «логику», а совершенно иные вещи. Главную часть второго тома образуют пятое и шестое исследование: где ведется анализ интенциональных актов, интенционального сознания — причем в двоякой форме. В пятом исследовании рассматриваются так называемые «сигнитивные» акты, то есть чистые акты мышления, мышления не созерцательного, а также проясняется понятие смысла, или значения. В шестом исследовании, напротив, рассматривается «наполнение» интенции значения различными видами интуитивных актов. Здесь, таким образом, разрабатывается теория опыта (взятого в очень широком смысле слова) или интуиции, но не в смысле Бергсона, а в смысле Декарта. Оба направления исследования в совокупности ограничивают сферу логического.

Каким образом достигает Гуссерль этих результатов? Путем скрупулезного анализа особого типа интенциональных актов, актов подразумевания, так называемых сигнитивных актов» (там же). 3 Хайдеггер: «Пустое подразумевание есть представление чего-то в форме мысли о чем-то, восприятия, которое может возникнуть в ходе разговора, например о мосте. Я подразумеваю сам мост, но при этом не вижу его таким, как он выглядит, а только подразумеваю его в смысле пустого подразумевания. В значительной мере наша естественная речь протекает именно в этом речевом модуле. Мы подразумеваем сами вещи, а не образы или представления, однако они не даны нам зримо. В пустом подразумевают предмет тоже подразумевается просто и непосредственно в его самости, но эта данность пуста, т.е. лишена какого-либо созерцательного исполнения. С другой стороны, созерцательное исполнение можно обнаружить в простом воображении, в котором дано хоть и само сущее, но не в живом присутствии» (в частности, по Витгенштейну и Фреге, сформулировавшим теорию опущения утвердительной модальности). В эпоху бури и натиска аналитизма эта зона была отсечена в пользу имеющих внешне данные формы пропозиций – последние тщательно проверялись на способность самолично, без промежуточного подразумеваемого смыслового пласта адекватно коррелировать с предметом. По сути дела эта цель (теория истинностной референции) совпадает с устремлениями ранней феноменологии – с предметной теорией значения и с гуссерлево-хайдеггеровской темой наполнения пустых интенций подразумевания непосредственно («вживе»)

³ Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. <http://www.pandia.ru/text/78/340/945-2.php>

данной предметностью («назад к вещам»). Феноменология «сдалась» раньше (вполне отчетливо – на стадии формирования феноменологии восприятия и феноменологии телесности), но и аналитика постепенно перешла к массивной критике предметных теорий значения (а значит, и истинностной референции) и обратилась к проблеме подразумеваемого, причем именно смысла – непредметного и неинтенционального. Именно тут в полном объеме выявляется уместность применения термина «подразумевание» — ведь имеется в виду, что пустое подразумевание пусто с точки зрения предмета, но с точки зрения разнообразных подразумеваемых смыслов оно оказывается всегда полным и даже переполненным. И наоборот. Подразумевание может наполняться с точки зрения предмета, но при этом оно опустошается с точки зрения смысла, становясь в этом случае (в формальном лингвистическом пределе) указательным местоимением, в нелингвистическом – молчаливым жестом. Аналитика высылала теоретические десанты в эти области и до того, как настроилась на компромисс, рассматривая эти проблемы в усложненных тонах и расслаивая их на ряд более дифференцированных тем. Результаты этих анализов ранее отгораживавшейся от философии лингвистики сегодня оказывают (способны оказать) существенное влияние на когитологию и философию сознания (сами лингвисты настойчиво подталкивают здесь философию под руку, разрабатывая идею способности «лингвистических данных» нечто свидетельствовать о «деятельности сознания», причем речь может вестись при этом, напр., о семантике сочинительных союзов причем речь может вестись при этом, напр., о семантике сочинительных союзов⁴). Общим терминованным аналогом феноменологического подразумевания можно считать, как уже говорилось, лингвистическую пресуппозицию – это относительно новое и еще не устоявшееся понятие, имплицитно или эксплицитно выказывающее намерение перебросить мост к феноменологии и философии сознания. Если отвлечься от специфики философской и лингвистической терминологии, нельзя, справедливости ради, упустить из виду, что в лингвистике проблемы непредметных подразумеваемых смыслов (наряду с предметными) исследовались практически всегда, без сколько-нибудь серьезного перерыва. Достаточно вспомнить для этого хотя бы несколько крупных лингвистических теорий: теория асимметрии языкового знака (Карцевский-Гак), теория понятийных категорий (Есперсен), теория скрытых, в том числе избыточных для сознания, значений грамматических форм (Кацнельсон), теория фокуса сознания (Чейф), совмещенная с его языковыми проявлениями, а также проблемы точки зрения, фокализации, эмпатии, «голоса» и т. д.; нарратологическое разделение нарратора и наррататора, выявление других многообразных инстанций исхождения смысла и др. Близки к этой тематике и теории смысла, формируемого сферой бессознательного, восприятиями или в широком смысле телесностью. В этом же ряду стоит и понятие внутренней формы (в частности, у Шпета).

Мы дошли до вопроса, упорядочена ли сфера подразумевания и, если да, то какими силами? В поисках четкой формулировки проблемы, можно сказать, что вместо ранее акцентировавшихся уровней – либо «чистого смысла», либо, в противоположном

⁴ Урысон Е.В. Семантика основных союзов (лингвистические данные о деятельности сознания). <https://rucont.ru/efd/225358>

«лагере», исключительно внешних лингвистических форм – в фокус внимания переместились пункты схождения/расхождения языка и сознания или – шире – вся «промежуточная область» между внешней языковой формой высказывания и его неэксплицируемым (внеязыковым) смыслом, индуцируемым феноменологическим сознанием. Одновременно можно говорить о наличии промежуточного пространства между внешней языковой формой и предметом. Эту ограниченную с двух сторон совокупную двухвекторную область я и предлагаю называть областью «подразумеваемого».

В литературе есть согласие в том, что в этой области высвечиваются более плавные, не дискретно-скачкообразные переходы от внеязыковых форм смысла и актов сознания – к языковым, от предмета «вживе» – к его языковому облачению, но всякий компромисс порождает новые острые углы. Сегодня явным или неявным предметом дискуссий, как уже отмечалось, является не вопрос о внешних границах подразумеваемого, а вопрос о том, упорядочено ли каким-нибудь образом это «подразумеваемое» промежуточное пространство внутри себя. Аналогично ставил вопрос, в частности, М. Гаспаров: «Структурирование, иерархизация подтекстов каждого стихотворения – главная задача анализа, и она слишком часто решается неудовлетворительно, а иногда не ставится вообще»⁵.

Если мы отвечаем на вопрос о внутреннем упорядочивании утвердительно, то возникает следующий вопрос – о действующих силах этого упорядочивания и его формах, а, соответственно, и о концептуальном толковании выделяемых уровней и процессов, заполняющих этот «промежуток». Такая постановка вопроса предполагает 1) эксплицирование типов и слоев смысла подразумеваемой сферы, 2) выработку соответствующих представлений о формах многослойной структурированности этих подразумеваемых типов смысла в высказывании и, главное, 3) выяснение способов взаимоотношений между внешними и внутренне подразумеваемыми формами смысла, прежде всего – с точки зрения взаимоотношений между языковыми и неязыковыми актами сознания. При этом нельзя забывать о главном: все это следует рассматривать в феноменологии говорения не в статичном разрезе, а с динамической точки зрения процессов говорения/понимания.

Предварительная рабочая гипотеза работы состоит в том, что выбор для экспликации (транспонирования на «языковую поверхность») тех или иных типов подразумеваемых смыслов есть функция преимущественно неязыковых актов сознания. Такая постановка проблемы требует хотя бы предварительных ответов на вопросы о том, с какими типами актов сознания связаны выделяемые зоны подразумеваемых смыслов и как они этими актами семантизируются и активизируются. Скажем, относительно интенциональных неязыковых актов здесь можно говорить об опущениях нозс или нозм, о наращивании дополнительных нозс или нозм, о наслоении разных неязыковых актов, о многообразии их возможной комбинаторики в одном языковом высказывании и т. д. Особое место занимают модальные характеры актов сознания и факт их выражения или невыражения в языке,

5 Гаспаров Михаил. Парафраз и интертексты. Лотмановский конгресс. <http://www.ruthenia.ru/document/470280.html>

т. е. способы их «отправки» в подразумеваемую сферу и «выхода» из нее. Примерно так же обстоит дело и с оценочными актами.

Но совершенно особняком стоит проблема связи языковых актов с неинтенциональными сферами сознания. Проблема интенциональности обладает в связи с концептом подразумевания особой значимостью потому, что обоснование любой версии структурированности подразумеваемого пространства смыслов требует такой коррекции и/или развития интенциональной теории, в которой учитывались бы феномен неинтенциональности (как известно, феномен «неинтенционального сознания» обоснован в постгуссерлевой феноменологии, в частности, Левинасом⁶), и – с другого конца – феномен интенциональности. По всей видимости, в языковом сознании неинтенциональное и интенциональное тесно сплетены – и именно это сплетение интенциональных и неинтенциональных актов составляет одну из конститутивных особенностей языкового сознания (и, соответственно, высказываний), в отличие от неязыкового сознания. То же относится и к актам эгологического и неэгологического сознания, к сознательному, бессознательному и телесному. Топосом сплетения всех этих типов сознаний как раз и является сфера подразумеваемых смыслов: неизменно присутствуя, подразумеваемое не обязательно становится предметом интенции, причем не только языкового акта, но и акта мысли.

Пробное описание феномена сплетения в языке интенционального с неинтенциональным через призму концепта внутренней формы языка представляет отдельную тему. Вот постановка этого круга тем у Левинаса: «Мы спрашиваем: интенциональность, как ее утверждают Гуссерль и Brentano, имеет ли она своим основанием реактуализацию? Или интенциональность есть единственный способ «передачи смысла»? Смысл, всегда ли он коррелятивен тематизации и реактуализации?... сознание самого себя: сознание меня-активного, которое представляет себе мир и объекты так же, как сознание самих своих реактуализирующих действий, сознание ментальной активности. Хотя и будучи косвенным, сознание – непосредственно, лишено интенциональной цели, имплицитно и характеризуется чистым сопровождением. Неинтенциональное сознание отличается от внутреннего восприятия, в которое оно способно было бы превратиться. Это неинтенциональное, отраженное сознание принимает за объекты «Я» его состояния и ментальные действия. В отраженном сознании сознание, направленное на мир, ищет помощи против неизбежной наивности своей интенциональной прямолинейности, пренебрегающей «косвенно прожитым» неинтенционального и его горизонтами, пренебрегающей тем, что его сопровождает...»; «...в философии, наверное слишком быстро, решили рассматривать это прожитое как еще не эксплицированное знание (аналог подразумеваемых смыслов – Л. Г.) или как еще не ясную реактуализацию прошлого, которое еще должно прояснить размышление математика? Размышление, интенциональное сознание конвертирует неизвестный контекст тематизированного мира в ясные и отчетливые сведения, подобные тем, которые представляют самовоспринятый мир... Что может означать, в некотором роде позитивно, так называемое неведение, эта импликация? Уместно ли делать различие между охватом частного в понятии, подразумеванием предполагаемого в понятии и потенциальностью возможного, интимностью не-интенционального в

дорефлексивном сознании?»; «Знание» дорефлексивного сознания себя, собственно говоря, знает ли оно? Сознание запутанное, сознание подразумевающее, предшествующее всякому намерению или освобожденное от всякого намерения, оно есть не действие, но чистая пассивность...»⁶.

Я предлагаю альтернативную интерпретацию подразумевающего, запутанного, пассивного сознания. Левинас и сам пишет, как мы видим, о размышлении. Но как путем размышления можно разгадать подразумевание? Ответ можно найти у Лосева (в помещенной в этом же номере журнала моей статье). Вот этот ответ:

Математическое знание всегда дано как подразумеваемое. И с другой стороны: подразумеваемое может, по Лосеву, эксплицируется как продвижение математического знания, и эта форма эксплицирования практически единственная. Подразумеваемое в таких случаях высвечивается как аксиома, по сути — как феноменологическое ноэматическое априори. Не случайно, у Гуссерля, фактического активатора проблемы подразумевания, математика занимала столь же, если не более существенное, место, чем и у Лосева.

Любой сторонник имманентности в конце концов приходит по воле своей интуиции к подразумеванию, восходящему к математической (или квазиматематической) аксиоматике (в самом общем смысле слова). Подразумеваемое разгадывается если не по смыслу, то по форме, на путях научного, и при этом самого строгого, мышления! Чем более сложно выстроено подразумеваемое, тем более строгое мышление потребуется для «распутывания» его скрытого смысла.

Достаточно в этом контексте указать на математический тип подразумеваемого смысла: любая теорема, над доказательством которой «бьются» математики, можно в этом плане понимать как размышление над подразумеваемым, обладающим определенным, но еще не ясным смыслом.

Следует иметь в виду, что, попадая в языковую среду, такие явления, как интенциональность и аттенциональность, приобретают новые, специфические черты. В общем плане можно констатировать, что в языке есть свои интенциональные акты, отличные от соответствующих неязыковых актов сознания, в связи с чем по отношению к последним смещения языковых интенций являются аттенциональными сдвигами, так что в смысловом отношении языковой процесс смыслообразования оказывается не чем иным, как подразумеванием. Таким образом мы приходим к выводу, что один и тот же смысловой процесс в сознании отличается многосоставностью и имеет по меньшей мере три измерения: он характеризуется и смещением интенции, и сдвигом аттенции при сохранении той же интенции, и внешним выражением семантически неявленного подразумеваемого смысла этих интенционально-аттенциональных перемещений.

Понятно, что тут в полный рост встают проблемы расщепления, наслоения и «растворения» интенций и аттенций. В качестве центрирующего всю эту проблематику возникает вопрос о том, каким образом реальный интенциональный объект сознания становится способным не выдвигаться на уровень внешних форм языка, оставаясь в

⁶ Левинас Э. Неинтенциональное сознание // Топос. Философско-культурологический журнал. 2002. № 1 (6). С. 17-28.

сфере подразумеваемого, но не теряя при этом возможности влиять на развертывание высказывания. Невидимое управление – вещь в целом обычная. Но в данной сфере она сопряжена с дополнительными сложностями. По отношению к типам смысла, связанным с чувственностью, телесностью в широком смысле слова и/или психофизиологическими матрицами, смещение интенционального и аттенционального луча получает свой особый проблемный разворот, который по-своему трактовался, например, Флоренским, Лосевым, Шпетом и Вяч. Ивановым, так что мы имеем в результате целый веер системообразующих концептов, обозначенных далее в соответствии с перечисленными именами: транспонирование смыслов чувственных пространств на языковую сферу (и, напротив, усмотрение неявленных смыслов через язык); математизированной аксиоматики; внутренняя лексическая и синтаксическая форма; развертывание и сворачивание антиномических рядов.

В этой перспективе я склоняюсь к мысли, что на уровне общих контуров организации внутреннего пространства подразумевания все вышеперечисленные варианты системообразующего концепта имеют свою логику и доказательную базу, поскольку сфера подразумеваемого, будучи неоднородной по составу (она делится на статичные, динамичные, линейно взаимосвязанные и наслаиваемые типы), отличается необычайной сложностью своей структуры. Помимо смысловых «сгустков», в сфере подразумеваемого всегда наличествуют валентно-векторные силовые натяжения. Внутренняя организация пространства подразумевания не имеет и общей структуры: она получает ту или иную конфигурацию (со своей симметричностью и устойчивостью) в зависимости от постоянно меняющегося внутреннего соотношения между всеми элементами языкового и неязыкового сознания. Обязательны и сами эти элементы, и тип их соотношения — статический или динамический. А совмещение принципиально различных элементов и процессуальных характеристик как раз и создает необходимые условия для порождения подразумеваемых смыслов.

При этом динамическому аспекту процесса смыслообразования принадлежит, в некотором смысле, доминирующая роль, поскольку именно он открывает перспективу решения ключевой проблемы – проблемы выявления принципов и типов существующих (и возможных) стратегий дискурсивного развертывания высказывания с учетом подразумеваемых смыслов. В самом общем плане здесь можно зафиксировать следующие закономерности.

1) Неинтенциональные подразумеваемые смыслы движутся одновременно с интенционально и аттенционально высвеченным эксплицитным семантическим составом речи, однако векторы и формы движения подразумеваемых смыслов не изоморфны внешне наблюдаемому семантическому развертыванию. 2) Внутренние подразумеваемые смыслы могут быть несемантизированными и/или в принципе несемантизируемыми по своей природе, но при этом они неотмысливаемо входят в «объективный» смысл сообщения (например, ирония в двуголосых конструкциях или математические типы подразумеваемых смыслов). 3) Смысл высказывания имеет многослойную и разнотипную структуру, образуемую наложением его горизонтального (интенционально-аттенционального) и вертикального (подразумеваемого) развертывания. 4) При максимальной текучести и трансформируемости подразумеваемых смыслов, всегда пронизанных субъективно-экспрессивными

эмоциями и оценками, высказывание, тем не менее, обладает способностью выйти на адекватную соотнесенность со своим предметом — через определенные типологические конфигурации языковых и неязыковых (формирующих сферу подразумевания) актов и «точек» говорения, словом — через ряд соответствующих дискурсивных стратегий, анализ которых составляет особый раздел феноменологии говорения.

Прямое отношение к концепту и процессам «подразумевания» имеет стоящая, казалось бы, особняком проблема соотношения языкового и неязыкового Я в человеческом сознании — в аспекте их участия в создании и расшифровке подразумевания. Одно ли и то же — *субъект сознания* и *языковое Я*? А значит — и говорящий с понимающим (каждому типу нарратора соответствует свой тип нарратора)? Известны традиции их отождествления, и формально дело так и должно было бы обстоять, но ситуация сильно осложняется ввиду лингвистической специфики местоимения Я, отличающегося повышенной многозначностью и сложностью функционирования. Не исключено, что эти особенности генетически восходят к функционированию мышления и других форм сознания, включая сферу подразумевания; однако, с другой стороны, именно в языке эти особенности наблюдаются наиболее отчётливо.

Лингвистика показала, что в текстах существуют многочисленные типы Я (в отношении к предмету, к Ты, к Он, к описываемому поступку, к модальности и т.д.), которые тоже уходят в зону подразумевания. Возможна ситуация, при которой артикулируется «Я», но содержащее это местоимение высказывание не имеет к Я говорящего никакого отношения (практически в любом рассказе). И наоборот — для контраста: можно постоянно иметь в виду себя как активного субъекта, но лингвистически при этом опускать «Я» в подразумевание (не только при фразе, сплошь состоящих из обценной лексики, но и в конструкциях типа «*Cogito ergo sum*», где Я не выражено, но подразумевается глагольными формами). Серьезная лингвистика никогда не проводила абсолютного отождествления между местоимением Я и говорящим субъектом, т. е. никогда не рассматривала это местоимение в качестве места, где реально локализована человеческая личность «в непорочной цельности» (хотя в философии можно столкнуться и с такой позицией).

Рассуждение здесь «блуждает» между двумя соснами. Означает ли расщепленность функционирования языкового местоимения Я расщепленность субъекта сознания, и — обратная сторона — означает ли расщепленность субъекта сознания расщепленность языкового Я? На первый вопрос ответ отрицательный: фраза «Он сказал мне: «Я подойду поближе» никак не может свидетельствовать в пользу расщепления говорящего как субъекта сознания (то же самое относится и к слушателю).

Во втором случае речь тоже идет не о свободно плавающем местоимении Я, а о языковом Я как субъекте высказывания в его целом. Внутри высказывания местоимение Я может относиться к любому факту и артефакту — к Ты, Он и т. д. (например, в шаблонах прямой и косвенной речи), но и в тот момент, когда это местоимение употребляется таким образом, в высказывании продолжает — неким иным образом — присутствовать (подразумеваться) то, что разумеется под субъектом

высказывания (в контексте концепции полифонии в русской филологии и философии велись споры о том, возможна ли полная элиминация автора, и на этот вопрос был дан отрицательный ответ: возможны всякие aberrации, вплоть до замолкания первичного автора, но акторное Я-начало из текста неустранимо). Иными словами, местоимение Я никогда не обозначает субъекта сознания в его цельности и полноте, но из этого не следует, что субъект тем самым может полностью «умереть». Не случайно теоретики, провозгласившие смерть субъекта/автора, вскоре возвестили о его возрождении.

Разведение понятий Я как субъект сознания и языковое Я часто присутствует в презумпции философских текстов подразумеваемым образом, поэтому для углубления в проблему она нуждается не только в четкой экспликации, но и в радикализации. Лингвистика и филология (вкуче с такой промежуточной дисциплиной, как нарратология) уже давно (как минимум, со времени закрепления выражения «языковое сознание» в качестве термина) учитывают в своей работе это разделение. Точнее, они работают с языковым Я как «говорящим», субъектом речи, «адресантом», «нарратором», автором и пр. С некоторых пор – под давлением конкретных данных – лингвистика говорит о специфичности призмы языкового Я, о возможности присутствия — точнее: о невозможности не-присутствия — в высказывании других, не Я-голосов и т. д. Вопрос о соотношении языкового Я с субъектом сознания в лингвистике практически не обсуждается (по-видимому, в силу аналитического пуризма, подозрительно относящегося к понятию сознания), вследствие чего в лингвистических исследованиях нередко наблюдается практическое (а то и теоретическое) смешение или прямое слияние этих двух Я в Я языковом.

Схожая ситуация наблюдается и в философии: мы не располагаем авторитетными исследованиями, в которых с должной концептуальной отчетливостью были бы разведены такие понятия, как Эго сознания и языковое Я. Такая ситуация приводит на практике к работе с одним Я, и если присмотреться к тому Я, с которым реально работают философы, то окажется, что это – именно языковое Я (что не должно нас удивлять при известных постулатах: по-видимому, мы здесь имеем дело с рефлексом тесного сплетения сознания и языка). Приходится признать, что перед нами клубок нераспутанных тем и понятий, к которому трудно подступиться без путеводной нити. Воспользуемся в качестве таковой оппозицией, акцентированной В. Молчановым, который формулирует интересующий нас вопрос как проблему соотношения Я как местоимения (языковое Я) и Я как существительного (Эго сознания). Вернемся к фразе «Он сказал: «Я пришел к тебе...». Здесь Я означает Он, Ты – Я. В рамках феноменологии языка следует радикально развести эти два Я, поскольку они находятся между собой не просто в неизоморфных, но в местоименно антиномичных отношениях. Причем, в пандан ивановскому символизму, такие Я и Ты могут заменять друг друга. Понятно, что вполне мыслимы фразы, где антиномичны и взаимозаменяемы Я и Он, Я и Мы, Я и Все, Я и Никто и пр.

Языковое Я может быть каким угодно -- цельным или раздробленным, сознательным или неосознанным, интенциональным или неинтенциональным, входить или не входить в смысловое пространство высказывания, подвергаться как смерти/возрождению, так и «сращению» с Мы, Ты, Он, Оно, Никто, Все, вплоть до Бога и червя и т. д. Надо полагать, что и в философии время жесткой дезгологизации

уходит в прошлое (наиболее показательным в этом смысле можно считать поздний период творчества М. Фуко, в котором акцентируются «практики себя»), хотя, с другой стороны, ряды приверженцев дезгологизации не иссякают. Однако в любом случае – вне зависимости от преобладающих в данный момент философских тенденций – можно отметить весьма значительный «обратный разворот»: для феноменологии языкового сознания временное засилье различных антиэгологических теорий, основанных на принципе неэгологического подхода к сознанию, обернулось не снятием проблемы языкового субъекта, а ее перспективным концептуальным усложнением и обогащением соответствующего содержательного поля. В зоне ответственности феноменологии говорения самые жесткие формулировки относительно субъекта сознания (вроде «Эго не хозяин в собственном доме и не может уповать на картезианские достоверности») способны работать на всемерное обогащение понимания языкового Я. Феноменология говорения может на первых порах спокойно двигаться «поверх» всех противоборствующих течений мысли (психологического, психоаналитического, социологического, структуралистского, постструктуралистского, лингвистического, философского и т. д.) — с тем, чтобы «оприходовать» исходящие от них импульсы, способные открыть новые грани в понимании языкового Я.

Так, философские дискуссии привели, как представляется, к твердому выводу об имманентной интересубъективности языкового Я в высказывании (по терминологии П. Рикера – к трансцендентальной интересубъективности Я). По моему ощущению, «эра наивности» в развитии феноменологии языка и соответствующих разделов лингвистики (Н. Автономова имела законные основания выразить удивление по поводу «философской беззаботности» лингвистики) уходит в прошлое: в настоящее время серьезные исследователи просто не могут не учитывать взаимных наработок в этой сфере. Общий тезис может быть сформулирован следующим образом: языковое «Я» должно рассматриваться не как лейбницева монада или демокритовский атом, но как комбинаторное образование, подверженное – в любой текущий момент времени, будь то время сознания или параллельно разворачивающееся время построения высказывания, – процессам расщепления и сопряжения, в большинстве случаев семантически не явленным, но подразумеваемым. В состав этого комбинаторного образования входят не только различные подвиды Я, но также и все прочие сплетающиеся с ними «члены местоименного цикла» – Ты, Он, Оно, Мы, Все, Никто, — в свою очередь, выступающие в различных модификациях (впоследствии к ним присовокупятся и несубъектные силы). Феноменология говорения по внутренней интенции инклюзивна и, не побоюсь этого слова, всепоглащающая, в ней «много обитателей», и здесь нужно быть готовым ко всему: да, Я может быть не причиной, а эффектом языкового процесса; да, речь может исходить не от Я говорящего; да, смысловое наполнение речи определяется в том числе и телесностью, и подсознанием, и архетипами, и «волей к власти», и волей к смерти, и какой-нибудь разновидностью дискурса; да, говорить в рамках высказывания может и сам язык, и, наконец, «сам предмет»; да, заговорить может и само Я, – но ни одна из этих возможностей не может претендовать на монополию и заведомо не охватывает всей картины говорения.

Наряду с довольно очевидной инклюзивностью феноменология говорения обладает и не столь очевидными чертами противоположного свойства. Эти

неожиданные черты проявляются в ситуациях, когда феноменология языка переходит от анализа языкового Я к рассмотрению Я сознания. Здесь выясняется, что, если языковое Я действительно подвергается всем вышеуказанным расчленяюще/сопрягающим операциям, то с Эго сознания дело обстоит иначе (если не прямо противоположным образом). С точки зрения феноменологии языка, Эго сознания, напротив, сохраняет свое единство – но в иной, не языковой форме, а может быть, и не в форме сознания. Это единство представляется очевидным на исходном и конечном рубеже, середина же, как всегда, полна интриг и приключений. Для доказательства того, что понятие субъекта, или трансцендентального Эго, является необходимой отправной точкой для феноменологического проекта, сошлюсь на П. Рикера, показавшего, что гуссерлево утверждение трансцендентального Эго отнюдь не означает, что феноменология сознательно (или бессознательно) замыкается в солипсизме: «...без сомнения, феноменология начинается как чистая эгология, наука, которая, как кажется на первый взгляд, принуждает нас к солипсизму или, по крайней мере, к трансцендентальному солипсизму...» ; но эта стадия — лишь исходная точка отсчета: «трансцендентальный солипсизм должен рассматриваться как предварительная философская стадия», которую необходимо принять временно, "для того, чтобы проблемы трансцендентальной intersубъективности могли быть корректно поставлены и осознаны как проблемы, действительно обоснованные и следовательно принадлежащие к высшему уровню". У Гуссерля эгология тоже, как известно, перерастает в конечном итоге в трансцендентальную intersубъективность (в синтезы Я и Ты, Я и Мы).

Проблемные зоны эгологии: два тезиса. Концепции неустранимости трансцендентального Эго противостоит, как известно, не менее жесткая концепция смерти субъекта в разных по степени категоричности версиях (эта тенденция представлена в философии, например, в виде концепции «неэгологического сознания»). Зачинателем такой тенденции обычно называют Ницше: «Мысль приходит, когда “она” хочет, а не когда “я” хочу; так что будет искажением сути дела говорить: субъект “я” есть условие предиката “мыслю”. Мыслиться: но что это “ся” есть как раз старое знаменитое Я, это, выражаясь мягко, только предположение, только утверждение, прежде всего вовсе не “непосредственная достоверность”». Среди его последователей – внушительный ряд громких имен. Конечно, к их числу принадлежит Фрейд, у которого «зажатое между императивами супер-эго и инстинктуальными требованиями id, эго не хозяин даже в собственном доме и не может уповать на картезианские достоверности» (там же); конечно – Сартр и Гурвич (неэгологическое сознание), конечно – Фуко, Лакан и т.д. Эпоха жесткого антиэгологизма, как уже говорилось, проходит.

В интересующем нас контексте очень существенным представляется лосевское понимание математики, о котором говорилось в моей предыдущей статье (в этом же номере журнала). Его математическая концепция нетривиальным образом подтверждает тезис о неустранимости из сознания — в том числе и математического — трансцендентального Эго.

Аргументов много, но один из них -- аргумент от диалектики — как всегда у Лосева, на первом месте. Диалектический метод не является «самоиграющим», для его

осуществления нужно то или иное Я (Мы и т.д.), функцию которого в чистых науках выполняет трансцендентальное Эго.

И второй, главный, аргумент: именно «Я» есть та инстанция, которая вскрывает в математическом сознании подразумеваемый смысл, облачая его по возможности в семантические формы. В «Диалектических основах математики» Лосев пишет:

«Разумеется, и здесь единственным методом философского анализа остается все та же диалектика, какие бы детали математической науки нас ни интересовали. Перед нами открывается труднообозримая область математических наук с совершенно оригинальными и подчас очень нелегкими проблемами, которые, однако, чтобы понять, необходимо так или иначе перевести на язык логики...»

Но что значит в этом контексте «понять» (если речь идет о математическом утверждении)?

Продолжим лосевскую цитату: «...перевести данное утверждение с языка математики на язык логики (или обратно), это значит исследовать, какая идея, какой логический смысл (какой подразумеваемый смысл – Л.Г) заложен в той или другой математической теореме, формуле и т. д., если принять во внимание метод построения этой теоремы или этой формулы. Числа ведь, как мы знаем, сами по себе пусты, не имеют никакого качественного содержания, или наполнения. Однако, если разобрать их логический состав в статике или рассмотреть то, как эти числа в данном случае скомбинированы и каким методом сконструировано их взаимоотношение в динамике изучаемой взаимосвязи, мы почти всегда можем определить ту идею, которую воплощает на себе данная формула, тот внутренний смысловой замысел (то подразумеваемое — Л.Г), которому подчинена данная числовая конструкция».

Дополнительное пояснение, так сказать, «от себя»: понять в математике — значит семантически уразуметь логическое, т.е. не что иное, как неявно подразумеваемое. На противоположном полюсе намеченных координат располагается проблема имманентной наполненности высказывания разными точками говорения, вбирающими в себя всю местоименную шкалу\парадигму. Но это особая тема. В общем же плане следует сказать, что хотя некоторые (в том числе и принципиально важные) сегменты генеральной теории подразумевания остаются не заполненными, хорошо уже и то, что под пристальным исследовательским взглядом на оставшихся «белых пятнах» начинают проступать недостающие контуры подразумеваемого, в какой бы терминологии они ни фиксировались. Так, например, недавно было зафиксировано наличие подразумевания в музыке (хотя, по моему разумению, она сплошь построена на несемантизованном подразумевании), но в другом облачении — под именем «скрытых смыслов». Из цитируемой статьи ясно, что перед нами уже следующий этаж подразумеваемых смыслов, предполагающий знание определенных музыкальных кодов (светского, религиозного и их разновидностей). Заметим, что параллель между бахтинской и музыкальной полифонией получает тем самым дополнительную поддержку.

Литература

Боброва Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии. <https://fil.wikireading.ru/13311>

Гаспаров Михаил. Парафраз и интертексты. Лотмановский конгресс. <http://www.ruthenia.ru/document/470280.html>

Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. <http://www.pandia.ru/text/78/340/945-2.php>

Левинас Э. Неинтенциональное сознание // Топос. Философско-культурологический журнал. 2002. № 1 (6). С. 17-28.

Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. В книге Хаос и структура. М., 1997.

Молчанов В.И. От чистого сознания к социальной вещи. Семантический и концептуальный аспекты проблемы Я у Густава Шпета. // ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ. Москва. Модест Колеров, 2009. С. 36. - <http://www.nlr.ru/domplekhanova/dep/artupload/dp/article/70/NA1902.pdf>

Ницше Ф.В. По ту сторону добра и зла. Цит. по: Дэвид Мэйси. О субъекте у Лакана. Ницше 1990, с. 47. см. также <http://xwar.me/books/9369/Po-tu-storonu-dobra-i-zla.html?p=6>

Носина В.Б. Скрытые смыслы музыки И.С. Баха. // Играем с начала. №11 (159) Ноябрь 2017 - <http://gazetaigraem.ru/a12201205>

Суровцев В.А. Интенциональность и практическое действие. (Гуссерль, Мерло-Понти, Рикер). - <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/merlo-ponti-moris/intencionaljnostj-i-tekstualjnostj-filosofskaya-mislj-francii-xx-veka>

Тugendхат Эрнст. Введение в аналитическую философию языка. Девятая лекция. <Предметная теория значения на примере Гуссерля> http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/05.htm // Логос № 10. 1999

Урысон Е.В. Семантика основных союзов (лингвистические данные о деятельности сознания). <https://rucont.ru/efd/225358>